

ГЛАВА 1

Диана

Ночное небо бросает в меня ледяные иглы дождя. Они остужают пылающие щеки и бессознательно проникают под одежду, жаля кожу. Куртка впитывает влагу, становясь тяжелой. Кажется, из тела стремительно утекает все тепло, сменяясь противной дрожью. Кончики пальцев болят от холода, и я с трудом удерживаю пищущий крошечный сверток. Мою доченьку. Арину.

Я напрягаю зрение, пытаюсь разглядеть в клубах тумана своих преследователей. Они видятся мне в каждом темном предмете: качающихся на ветру листьях или убегающих вдаль дорожках аллеи. Тихо... Слышу, как малышка спит, пригревшись на моей груди. А я... боюсь спугнуть мертвенную тишину неосторожным всхлипом или громким биением сердца.

— Оторвались, моя сладкая, — шепчу еле слышно и нетвердо, крепче обнимая Арину. Го-

лос бесследно тонет в шелесте дождя. Каблуки вязнут в липкой слякоти, я едва переставляю одеревеневшие от холода ноги. От страха и бессилия вдоль позвоночника прокатывается дрожь. Не дышу. Замираю на месте, зарываясь лицом в макушку моего ребенка. Я проиграла. Каждой клеточкой тела чувствую присутствие посторонних. Вижу отделившуюся от ствола дерева тень... Зажмуриваюсь от страха, но продолжаю идти. Я спасу дочку! Обязана спасти... Тень взмахивает крыльями и садится на соседнюю ветку, а затем пронзает ночную тишь громким вскриком. Всего лишь птица... Но Ариша просыпается и начинает плакать.

— Тише, золотко. Пожалуйста, помоги маме убежать. Я прошу тебя... — негнуцимся пальцами вытаскиваю из-под одежды грудь и даю ребенку. Арина хватает губами сосок и жадно сосет. Останавливаюсь, чтобы покормить малышку. На мгновение перевожу дыхание. Такого бессилия я не испытывала никогда в жизни. Поднимаю голову к графитовому, затянутому тучами небу и плачу вместе с ним. А оно обнимает меня в ответ... Опускается так низко, что, кажется, я могу взмахнуть рукой и тронуть его надутые, мрачные облака. Сквозь пелену я вижу огни встречных фар... Снова зажимаюсь и крепче прижимаю малышку. Не отдам! Буду бороться до последнего вдоха, но не отдам! Распахнуть гла-

за меня заставляет оглушительный удар по затылку...

— Отпустите нас! — хриплю что есть силы, жмурясь от разливающейся по телу боли. Но куда сильнее я чувствую ярость... Она разгоняет замерзшую кровь и возвращает силу ослабевшим рукам. Выхватываю плачущую малышку из цепких рук незнакомца. — Что вам нужно? Отдайте дочку! Верните... Арина-а-а...

Бегу в темноте, не разбирая дороги и не оглядая луж. Брызги грязи летят на лицо и одежду. Стираю слепящие ледяные струи, стараясь не потерять из виду мерцающую огнями трассу. Чувствую за спиной прерывистое, пропитанное ненавистью дыхание и щелчки оружейных затворов. Тяжелые шаги приближаются, а потом чьи-то горячие пальцы клешнями впиваются в мое плечо...

— Не отдам! Арина-а-а-а!!!

— Заткнись, сука.

Сильные руки отбрасывают меня в сторону. Ударяюсь головой об угол бордюра. Чувствую соленый запах крови, хлынувшей из ссадины. Она заливает лицо, выедаёт глаза, но я ползу, цепляясь за влажные бугорки земли и торчащие из нее сухие корни. Разум мутится от бессилия и ярости, я слышу пронзительный крик Арины, твердые шаги, чужие мужские голоса... Двери машины хлопают, а серое небо, испещренное искрами молнии, пронзает звук двигателя...

— М-м-м... Арина...

Разлепив глаза, встречаюсь со встревоженным взглядом Евдокии Андреевны. Ее сухие теплые пальцы ласково гладят меня по щеке.

— Опять этот сон, Диаша? — собрав в голосе всю жалость мира, протягивает она.

— Который час, баба Дуня? — спрашиваю, прочистив горло. Мокрая футболка неприятно липнет к телу, и я резко сажусь и стягиваю ее через голову. — Черт...

— Возьми, дочка. — Евдокия Андреевна шаркает к тумбочке и выуживает чистую майку. — Пять утра. Вон... рассвет занимается, — отвечает, тряхнув рукой в сторону большого, во всю стену, панорамного окна.

Море волнуется. Кажется, что небо щедро раскрасило беспокойные морские волны розово-оранжевой краской. Или случайно опрокинуло громадную кадку с апельсиновым соком. Нетерпеливо распахиваю балконную дверь. В лицо ударяет порыв насыщенного солью воздуха. Глубоко дышу, судорожно сжимая пальцами перила. Я готова расцеловать архитектора за удачную планировку дома, так как могу выйти к морю прямо из комнаты.

— Я пробегусь, баб Дунь, — бросаю, слегка обернувшись. Но этой секунды хватает, чтобы заметить затаившееся волнение в глазах Евдокии Андреевны. Пожалуй, пожилая домработ-

ница — единственный человек, который меня искренне любит.

Застегиваю на груди молнию спортивной кофты, надеваю беговые кроссовки и спускаюсь к берегу. Мелкая галька шуршит под ногами. Шум прибоя походит на разговор невидимых призраков, притаившихся за валунами. А может, они здороваются или успокаивают меня?

Пиная носком кроссовки мелкие камешки и замираю, встречая морской рассвет. В Гурзуфе он особенно прекрасен. Небо сливается с морской гладью, а воздух тяжелеет от утренней росы. Папа построил поместье семь лет назад в надежде вернуть меня к жизни... Гребаные семь лет с тех пор, как похитили мою дочь. Мою девочку, рожденную на рассвете...

Я бегу вдоль пустынного берега, слушая тихий всплеск пробуждающихся ото сна волн. Успокаиваюсь... Легкие горят после бега, и я сгибаюсь, пытаюсь отдышаться. Сбрасываю промокшую одежду и голая бросаюсь в шумные волны. Говори со мной, говори... Дай знак, что ты жива! Иначе я сойду с ума от навязчивой идеи тебя найти.

Вот так... Уже лучше. Переворачиваюсь на спину и принимаю позу морской звезды, щурясь от солнца. Прикладываю руку к беснующемуся в груди сердцу. Море возвращает мне силы и ясность мыслей. Ты сильная, Диана. Ты справишься сама... Плевать, что папа махнул

рукой на мою бредовую идею возобновить по-
иски. Плевать, что никто не верит... Плевать,
что никто не любит. Пожалуй, я давно не чув-
ствовала себя такой разбалансированной и бес-
сильной. Я чертова неудачница, и все, за что
берусь, обречено на провал. Будь то материн-
ство или профессия. Или любовь...

Вырываюсь из соленых объятий, остервене-
ло натягиваю трусы, футболку и босиком шле-
паю к дому...

— Баба Дуня, заваришь чайку? — обнимаю
женщину, ступая босыми ногами по прохлад-
ной плитке. Она чопорно одергивает накрах-
маленный фартук, стесняясь выплеснуть при
мне эмоции, но от объятий не отстраняет-
ся. Я сбежала сюда в июне. Уволилась из об-
ластной больницы, где работала челюстно-ли-
цевым хирургом, не в силах справиться со
своей жизнью. Ну... вы поняли: неудачница,
одним словом. Я люблю крымскую виллу —
двухэтажный, построенный из белого кам-
ня дом-шале. Люблю уютную светло-голубую
кухню и женщину, заботящуюся о нем, тоже
люблю.

— Садись, детка. Уже все готово. — Баба Ду-
ня суетится, раскладывая на тарелке ломти-
ки сыра и свежее испеченного хлеба. — Сейчас
Петр принесет персики.

— Ох, стыдоба какая. Я и Петра Васильеви-
ча разбудила? — шепчу обреченно.

— Ничего ему не сделается. Вон урожай какой в этом году славный выдался: абрикосы, сливы, персики. Мммм... Не нам же с тобой на деревья лезть? — Евдокия Андреевна заправски устанавливает капсулу в кофемашину и тянется за чашкой.

Из окон кухни открывается завораживающий вид: тонкая полоска мелкой гальки, фруктовые деревья сада и... море, отражающее солнечные блики. Оранжевые лучики любопытно заглядывают в комнату, танцуют на поверхности большого овального стола.

Не отрывая взгляда от пейзажа, жадно отпиваю кофе со сливками. Я жаворонок. Не понимаю, как можно спать, когда за окном такая красота!

— А вот и персики подоспели! Доброе утро, Белоснежка, — в дверях вырастает садовник, или, как он сам себя называет, завхоз Петр Васильевич.

Важно поправив длинный ус, он водружает ведро с фруктами на стол. К слову, Белоснежкой дед Петя прозвал меня за высветленные волосы.

Я завтракаю, наблюдая за похожими на сладкую вату розовыми облаками. Старики возятся с плодами, ворчат друг на друга, а мне не терпится поговорить с Сэм...

Бесшумно взбираюсь на второй этаж и осторожно приоткрываю дверь ее спальни. Неужели соня до сих пор нежится в кровати под мер-

ный всплеск волн? Мой взгляд спотыкается об упругую попу, повисшую в пространстве. «Собака мордой вниз» — так называется эта асана.

— Шестак, ты не могла припереться на пять минут позже? — возвращая телу привычное состояние, бормочет Саманта. — Мое сознание практически дошло до истинного знания! А тут ты, Белоснежка, как снег на голову.

— Прости, Сэм, — отвечаю чуть слышно, наблюдая из окна за бегающими по двору курами.

Смуглая ладонь Саманты ложится на плечо и мягко его сжимает.

— Эй... Что с тобой, бро?

— Я хочу вернуться в город, Сэм, — собрав твердость в голосе, отвечаю я. — Отпуск затянулся, ты не находишь?

Она смотрит на меня так жалостливо, что хочется провалиться под землю. Как же надоедо вызывать у людей чертово сострадание!

— Я не знаю, Ди. Ты уверена, что забыла о нем? А если ты их встретишь в парке? — Сэм расхаживает по комнате, деловито потирая руки. — Или на каком-нибудь медицинском форуме? Или... или приедешь в банк, а там ОНА?

Саманта избегает называть по имени мужчину, которого я любила. К слову, его зовут Мирослав.

— Прекрати, Саманта. Жизнь продолжается. И в ней есть вещи похуже безответной любви. Знаешь, о чем я жалею? — плюхаюсь на кровать подруги и обнимаю подушку.

— О чем же, Ди?

— Я навязывала себя. Продавала задешево, как будто меня и полюбить не за что. Наверное, так и есть, — поднимаюсь с места, не в силах выдерживать сочувствующий взгляд Сэм. Определенно, в прошлой жизни она была сестрой милосердия или матерью Терезой!

— Я слишком хорошо тебя знаю, Шестак. Выкладывай, зачем тебе понадобилось возвращаться в город? — прищурившись, спрашивает Саманта. Ее кудрявые черные волосы беспорядочно лежат на плечах, полные губы решительно сомкнуты... С Невской шутки плохи!

— Значит, ты не будешь переубеждать меня? Меня не за что любить, Сэм?

— К черту любовь! Выкладывай, что ты задумала? — Саманта упирает руки в бока, окончательно растеряв умиротворение.

— Я хочу найти Арину.

ГЛАВА 2

Баба Дуня месит тесто, чтобы испечь сливовый пирог, а Петр Васильевич перебирает фрукты для варенья. Мы поодаль от них тоже понемногу помогаем с персиками и сливами.

— Ты сумасшедшая, Ди, — выковыривая из фруктов косточки, шепчет Саманта. — Ты сбрендила без мужской ласки, вот что я скажу! Когда ты в последний раз трахалась?

Когда... Очень давно. Так давно, что успела позабыть, каково это — быть с мужчиной. Плавиться в его руках, вздрагивать от жалящих кожу поцелуев, стонать его имя, надрывая голос, чувствовать себя желанной. Нужной. Необходимой. Черт, воспоминания, как радиоактивная волна, отбрасывают меня в прошлое, возвращая иссушающую душу боль. Она, как раковая опухоль, выжгла мое сердце, превратив в пустыню. Бесчувствие. Безмолвие. Запустение.

Вот кто я. Никто. Одно короткое слово. Глупые люди ищут любви, не подозревая, что она идет в комплекте с болью. Но я не такая... Я слишком больно обожглась, чтобы наивным мотыльком лететь на этот огонь снова...

— Очень давно, Сэм, — отвечаю так, чтобы не услышала Евдокия Андреевна.

— Как ты объяснишь отцу свое решение? Он был против два года назад, не станет помогать и сейчас.

— Я выросла, Саманта. Обзавелась связями и уважением коллег. Мне не восемнадцать, Сэм. Я могу обойтись без папы, — недовольно фыркаю, бросая персики в таз для варенья.

— Пора жить дальше, Ди. — Сэм мягко сжимает мои кисти. — Найди красавчика и оторвись по полной. Черт, семь лет прошло! Неужели ты думаешь...

— Да, да, я верю! — отбрасываю плоды в сторону и торопливо выхожу на открытую террасу. Рыдания сковывают горло, как костлявая рука. Зачем я вообще завела этот разговор? Мне никто не верит, даже подруга. И вряд ли поверит частный детектив, к которому я намереваюсь идти. Всхлипывания тонут в размеренном плеске волн, подхватываются морским ветром и уносятся прочь, в царство призраков...

Сэм молчит и делает вид, что ничего не случилось. Правильная тактика, скажу я вам. Я сыта по горло пренебрежением и жалостью муж-

